

Товстоногов Т

1984

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. Москва

26 СЕН 1984

СТРАНИЧКА ИЗ БЛОКНОТА

В Западном Берлине на сцене Шиллер-театра я видел «На всякого мудреца довольно простоты», поставленного Георгием Товстоноговым. Спектакль прошел отлично, пресса об успехе писала, мне же хочется сказать вот о чем. Когда работаешь не у себя дома, а в какой-либо другой стране, к обычным трудностям и волнениям, неизбежным при постановке каждой новой пьесы, добавляются волнения особые. Дома, как известно, и стены помогают, не говоря уже о том, что ты отвечаешь за себя, за уровень своего профессионального умения. За рубежом ты — представитель своей страны, и ответственность возрастает стократно.

Получается так, что в глазах многих твоим умением поверяется умение и дарование твоих коллег. К тому же трудно угадать, что в данное время особенно волнует будущих зрителей спектакля, и невольно начинаешь — я замечал это и за собой — искать сценическую форму, которая была бы им привычна и понятна. Между тем прежде всего волнует мысль — на «Мудреце» публика была увлечена не только эстетической стороной постановки; проблемы спектакля попали в самую точку.

Возможно, это рискованно, но мне хотелось бы провести некую параллель между «Мудрецом» и «Ричардом III». В «Ричарде» я стремился подчеркнуть, что безнравственное окружение короля открывает дорогу его собственным безнравственным поступкам. Геор-

ТРАДИЦИИ И НОВИЗНА

гия Александровича, как мне кажется, среди других мыслей волновала и мысль о том, что зло порождает зло, и то, как решен финал первого акта, это блестяще подтверждает. В спектакле вход в глумовскую квартиру ведет из люка: обдумав свое дальнейшее поведение, решившись на него, герой вскакивает на перила и прыгает вниз, в яму. В бездну, к страшным людям.

Финальный монолог снова возвращает нас к этой мысли, но от обратного. Глумов разоблачен, его дневник попал в руки Мамаевой и стал всеобщим достоянием. Герой потерпел фиаско, но ведет он себя неожиданно: он спокоен.

Поиграв теми, кого в душе презирал, Глумов понял, что переборщил. Еще немного по дорожке лжи и притворства, еще какие-то шаги, и он может превратиться в одного из них. Уходя, он от Мамаевых и Крутицких спасается.

Поворот интересен и психологически обоснован: иначе откуда спокойствие? В монологе, как у всякого живого человека, прорываются и злорадия, и досада, но герой сдерживается. Останавливается, чтобы прийти в себя.

Глумов в спектакле — блестящий актер: он играет разные роли в разных стилях. Он романтик с Мамаевой — сцена с этой стареющей кокеткой полна чувственной, преувеличенной влюбленности и искромет-

ного комизма; с Крутицким он принципиальный человек, которого затирают. Интеллектуал, который наконец-то нашел достойного собеседника и может открыть ему душу.

Добиться такого разнообразия трудно. Трудно вообще и особенно трудно в данном случае. Я работал на Западе и убедился, что принципы тамощней режиссуры несколько отличаются от наших. Режиссер находит форму будущей постановки, определяет ее идею, актеров же предоставляет сам себе. Такого рода независимость вроде бы заманчива, но на деле она приводит к тому, что природа чувств персонажей часто бывает одинаковой. Создается впечатление, что актеры играют одного и того же, а не разных авторов.

Бороться с этой привычкой сложно — исполнители не доверяют режиссеру настолько, чтобы сразу идти за ним. Знаю, что и Товстоногову, несмотря на весь его авторитет, поначалу было нелегко. Мы разговаривали с ним на эту тему, и он заметил, что каждая его зарубежная работа одновременно пропаганда и утверждение методологии нашего театра. На Западе кое-кто воспринимает учение Станиславского как ушедшую эстетику, на самом же деле Станиславский открыл законы органического поведения актера на сцене. Именно

этим он отличается от всех других реформаторов театра.

Товстоногов удивительно точно находит середину между конкретным и общим. В его спектаклях всегда присутствует жизнь, поступки героев всегда психологически обоснованы, но в то же время в них всегда есть нечто, так сказать, надбытовое. В узкие рамки его работы не замкнуты — они масштабны и взрывчатые.

На мой взгляд, Георгий Александрович — мастер, владеющий своей профессией едва ли не лучше всех остальных, но при этом остающийся молодым. Опыт чреват опасностями, преклонение перед ним в состоянии испортить замысел. На опыт нельзя слишком полагаться, можно потерять то, что имеешь. Если ты начнешь в свою непогрешимость верить, если эта вера станет частью тебя, как художник ты кончишься. Это страшно, это подстерегает всякого, но, когда я смотрю работы Товстоногова, страх у меня пропадает.

«Мудрец» поставлен сверхтрадиционно, кажется даже, что знаешь, вспоминаешь некоторые мизансцены, но внутренне спектакль свободен и нов. В нем царствует улыбка режиссера над хрестоматийным толкованием Островского. Например, сцена с Манефой, сцена кликуш решена в ключе мхатовских «Плодов просвещения». Время — XIX век — обозначено точно, но Манефа со своими

немыслимыми предсказаниями и внимающая ей Турусина с приживалками воспринимаются абсолютно современно. Режиссер смеется над обывателями, которые жаждут соприкосновения с потусторонними явлениями, с тайной. Отстраняясь от быта, в котором погрязли, они себя возвышают, чувствуют себя наследниками духовных ценностей. Мысль о мнимости — еще одна мысль постановки.

Иногда я слышу, что Ленинградский Большой драматический — театр автора, а не режиссера. Эта точка зрения представляется мне глубоко неверной. Да, на сцене БАТ идут разные спектакли, но их не спутаешь ни с какими другими. Товстоногову удалось то, чего мы, по разным причинам, не можем добиться: ему удалось построить Театр, где на серьезном уровне решаются серьезные проблемы, где нет пустяков, где все обусловлено мыслью и чувством.

Спектакли должны быть страданы — зрителя на этот счет не обманешь. Во всех работах Товстоногова есть добро — не слепота, но вера. И когда он бывает жесток в своих постановках, это жестокость очищения, это боль художника, это высота его требований.

Когда я смотрел «Мудреца», я думал о том, как много в нашей профессии значат человеческие качества. И я ушел со спектакля с надеждой, что, если судьба будет милостива ко мне, мой режиссерский путь не окончится скоро.

Р. СТУРУА,
народный артист СССР.